

О ЛЮБВИ ПРОСТЫМИ СЛОВАМИ

ДАРЬЯ ВОЛКОВА
НАТАЛЬЯ ЛИТТЕРА

Синий бант

$$\sqrt[3]{32}=2$$

{ любовь, юмор, любимые герои }

**Наталья Литтера
Дарья Волкова
Синий бант**

Серия «О любви простыми словами»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44559226

Д. Волкова. Н. Литтера. Синий бант: ИПО «У Никитских ворот»;

Москва; 2018

ISBN 978-5-00095-633-5

Аннотация

Хроники двух семей отдельными кадрами, зарисовками, событиями. Тобольцевы и Королёвы.

Как они жили, любили, растили детей? И как случилось то, чего никто из них не планировал и не ожидал?

Эта книга для тех, кто читал романы «Дульсинея и Тобольцев, или 17 правил автостопа», «Времена года» и не хочет расставаться с полюбившимися героями.

Содержание

Часть 1. Музы, авторы, герои	5
Музы бывают разные	6
Контракт	12
Часть 2. Царица, автостопщик, ТТ, ИИ	23
Свадьба	24
Креветки	34
ТТ	43
Принцесса и дракон	50
Я принес тебе...	54
Предсказание	64
Наказание	74
Рояль или гитара?	78
День математика	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Дарья Волкова, Наталья Литтера Синий бант

© Волкова Д., Литтера Н., текст, 2018

© Литтера Н., иллюстрации, 2018

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2018

* * *

Из разговора авторов:

Даша: я пришла с кофе и колбасой, у меня полтора часа
примерно

Наташа: отлично, я с чаем и слойкой.

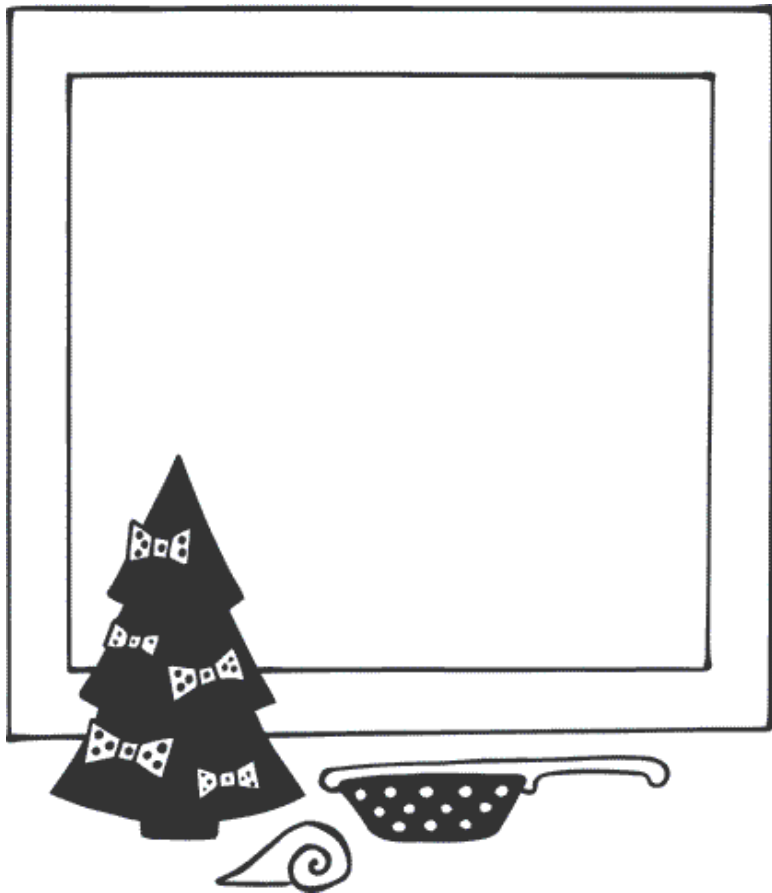
Спектакль или ледовое шоу?

Даша: ледовое шоу точно. Бант можно один. **НО БОЛЬ-
ШОЙ.**

И в горох. Я настаиваю)))

Наташа: вижу, как наяву)))

Часть 1. Музы, авторы, герои

Музы бывают разные

Она впорхнула в легком розовом платье, расшитом по подолу бисером, сняла изящную шляпку, украшенную крошечными незабудками, взбила тонкими пальчиками пепельные локоны, огляделась вокруг. И застыла.

Это же ужас! Это же кошмар! Никакой утонченности, никакой изысканности! Нет, комната просторная и вроде бы – светлая. Два больших стола, правда, в углах – сундуки какие-то, на окнах совершенно простые цветы.

А где, где изящная софа с небрежно оставленной шалью? Где хрустальная ваза с этими, как их... каллами? Фарфоровая конфетница с монпансье?! Томик утонченных элегий, опять же. Что за условия труда? Где уважение к ней – Музе?!

За столами сидели два Автора и, уставившись на прекрасную гостью, хлопали глазами.

Один быстро набрал на компьютере: «Это к нам?!»

«ВИДИМО...»

«Э-э-э...»

В это время Муза, сдвинув брови, смотрела неодобрительно на баночки варенья, кожуру от недавно съеденных мандаринов (авторам так и хотелось пробормотать: «Только что съели – не успели еще убрать»), горку бумажек-напоминалок, где неровным почерком были написаны разные обрывки фраз, и в конце концов ее взгляд уперся в распечатанные

на принтере фотографии.

– Это... это кто? – наконец подала голос гостья.

– Герой, – ответил один из Авторов.

Второй в это время спешно скидывал в мусорное ведро кожуру от мандаринов.

– Второстепенный? – с надеждой уточнила Муза.

– Да, – закивал головой Автор. – То есть нет. Главный.

– Угу, – подтвердил второй, высовываясь из-под стола.

– Ну, знаете ли... – Муза открыла расшитую бисером сумочку, достала из серебряного портсигара длинную тонкую сигарету и закурила. – Это не герой, это... Вы вообще представляете себе, кто такой герой? Герой – это... нет, лучше сами ответьте мне на вопрос, кто такой герой.

– Человек, – хором ответили Авторы.

– Сверхчеловек! Сверхчеловек! – подняла указательный палец вверх Муза. – А не обычный человек. Он обязан уметь все. У него не должно быть слабостей. Кроме героини, естественно. Вы посмотрите на этого героя: ни коня, ни «феррари», ни доспехов... просто Ванька! Роман должен быть красивым, понимаете? Романтичным! Изысканным, изящным, завораживающим... А у вас герой в кедах!

Авторы, опустив головы, молчали.

– А это еще кто?

Взгляд гостьи наткнулся на другой лист, который находился под блюдцем с фантиками. Муза постучала пальцем по сигарете, пепел упал на блюдце. Прекрасное создание вы-

тащило фотографию.

– Пенза, – припечатала она. – Это не Нью-Йорк, не Лондон, не даже Москва. Это Пенза!

– Ну... – замялись Авторы. – Пенза... а что? Хороший город...

– Но не для героини! – отрезала прибывшая.

Муза затушила сигарету и начала ходить по комнате, красиво заламывая руки, совсем как актриса немого кино:

– Куда меня отправили! Куда меня отправили?! Вы! – она уставилась на притихших Авторов. – Вы, самоучки! Вы сидите здесь, в этой ужасной комнате, вы ничего не понимаете в красоте, вы даже встретить Музу не умеете подобающе! Где моя софа? Где арфа? Где приют мечтаний и грез? У вас тут... это чердак какой-то, а не колыбель Вдохновения... я не могу работать с такими героями... не могу... Ах, как раскалывается голова, как сдавливает виски... я не могу вдохновлять в таких условиях!

– Хотите орешков? – поинтересовался один из Авторов.

– К-к-каких орешков?

– Фисташек. Знаете, нервы очень успокаивает, у меня тут где-то были на черный день... Вы не расстраивайтесь. Вон в уголке есть кресло, мы оттуда только атласы дорог и Паустовского уберем, и нормально будет.

Муза шмыгнула носом.

– У нас еще есть вязаные носки теплые!

Муза заметно побледнела. Она внимательно оглядела

свои маленькие ножки, обутые в шелковые туфельки. Очевидно, перспектива теплых носков ее не устраивала.

Муза долго рылась в крошечной сумочке, прежде чем вытащить сердечные капли и командировочное направление. Направление она положила на стол.

– Так вам в комнату номер шесть! – вдруг радостно воскликнул один из Авторов, прочитав бумагу.

– Да, – скорбным голосом ответила Муза.

– Так это не к нам, – вступил в разговор второй.

– Как не к вам? – в голосе гостьи появилась слабая надежда.

– Не к нам! – хором ответили счастливые Авторы.

– Так у вас же на двери...

– Девять! – так же хором прозвучал ответ. – Там гвоздик отлетел, цифра перевернулась, а вам на этаж ниже.

Муза схватила направление и пулей вылетела из комнаты. Авторы вздохнули.

– Чай наливаем?

– Угу.

– И чего ей Пенза не понравилась?

– Не знаю.

Не успел вскипеть чайник, как дверь снова широкопахнулась. В помещение вошла рыжая девчонка с веснушками и торчащими в разные стороны тоненькими косичками, остановилась в центре, огляделась...

– Девятая?

– Девятая.

– Ага, – гостья подошла к окну, – под самую крышу вас заселили. Между прочим, пахнет мандаринами. У вас не осталось?

Муза должна хорошо питаться!

– У нас орешки есть.

– Ну давайте орешки.

Рыжеволосая взяла из протянутых рук пакетик.

«Пеппи Длинныйчулок», – быстро настрочил один Автор.

«Наш вариант», – ответил другой.

Рыжая Муза села на подоконник:

– Ну и что у вас тут с героями?

– Э-э-э... кхм... тупик, если честно.

– Ясно. Слушайте, я тут на такую музыку недавно наткнулась. Мне кажется, очень подходит. Вот.

Гостья взмахнула рукой, и комната наполнилась мелодией.

– А еще недавно на глаза попались строки, страница со-
рок пять книги, которая под фломастерами лежит... да-да,
та самая... так вот, если попробовать совместить музыку и
слова, то можно представить...

– *Я думаю, как вывести на эту сцену.*

– *У меня есть идея. А что, если...*

– *Давай попробуем. Только чаю налью, ы?*

– *Угу. Кто начинает? Как ты это представляешь?*

- Мне кажется, что здесь должен начинать герой... и вот тогда...*
- А она говорит...*
- Ты тоже это видишь?*
- Да.*
- Отлично. Идем дальше...*

А Рыжеволосая Муза-Длинный-Чулок сидела молча на подоконнике, грызла орешки и наблюдала за своими подопечными.

Контракт

Это была переговорная в огромном бизнес-центре из стекла и бетона. Кожаные кресла, стол, обязательная икебана и абстрактные картины. Окно во всю стену позволяло любоваться столицей с высоты птичьего полета. Минималистично, красиво, холодно и о-о-очень дорого.

Нет, тот, с кем предстояла встреча, не задерживался. Это я пришла раньше. Он же был точен всегда и во всем. Как только часы покажут ровно одиннадцать – дверь откроется. В этом я не сомневалась. Потому что придумала этого человека сама.

Вы когда-нибудь встречались с героем собственного романа? Нет? Я вот тоже... нет.

А ваш герой когда-нибудь был умнее вас?

Все началось довольно безобидно. Мы с Дашей решили написать роман про любовь. Совместное творчество. Почему бы нет? С фантазией проблем не было никогда, поэтому в скором времени появились и герой, и героиня, и сюжет... В общем, полностью захваченные своей идеей, мы взялись за работу. Есть девушка, которая, путешествуя, встречает молодого человека. Естественно, этот молодой человек оказывается ее судьбой – избранником, рыцарем в серебряных доспехах и тем, без кого жизнь не мила. Самонадеянные авторы в нашем лице решили не останавливаться на такой про-

стой истории и капельку усложнить сюжет. Героиня не совсем свободна – у нее уже есть другой молодой человек. В процессе романа девушка встает перед выбором: богатый, успешный, но нелюбимый или Дон Кихот без «мерседеса», с которым сердце все время поет. Понятное дело, Дон Кихот! И все шло хорошо... до определенного времени. Ровно до того момента, когда «богатый-успешный» вдруг понял, что у него отнимают героиню. И вот тогда персонаж вышел из-под контроля, он отказался подчиняться авторам и назначил мне встречу.

Большая стрелка встала на цифру двенадцать. Часы показали одиннадцать ноль-ноль, дверь в переговорную открылась, и на пороге появился он – Илья Юльевич.

Все мои мысли куда-то исчезли. Я просто смотрела на этого человека. И очень хотела его потрогать: глаза не обманывают? Живой? Из плоти и крови? Не привидение?

– Добрый день, Наталья, – послышался негромкий голос.

– Здравствуй... те, – как-то неуверенно поприветствовала я.

Илья сделал вид, что не заметил этой неуверенности. Я же почувствовала себя соискателем на вакантную должность, а не автором. Дожили.

– Итак, – начал разговор мой герой, удобно устроившись в кресле напротив, – вот мы и встретились.

– Всегда подозревала, что персонажи где-то на самом деле существуют. Не может быть, чтобы настолько живые су-

щества оставались плодом воображения, — кажется, я начала приходить в себя.

— Существа? — иронично переспросил мужчина. — Однако... значит, для вас я существо.

— Для меня вы человек, Илья, но ведь мир литературы огромен. Его населяют не только люди, но и драконы, эльфы, оборотни, — я почувствовала, что сажусь на любимого конька, начав рассуждать о жанрах.

— Допустим, — согласился мой визави, — только в том романе, который вы пишете сейчас, драконы отсутствуют.

«Ну, это как посмотреть, — подумала я, — возможно, ты как раз на него и тянешь».

Вслух же сказала:

— Вы правы.

Он ничего не ответил. Вообще замолчал. И я отлично понимала, что означает эта пауза. Илья был моим созданием, а я слишком хорошо запомнила знаменитое правило Джулии Ламберт: «Держать паузу до конца». И в том, что этот мужчина ее выдержит, не сомневалась.

Так кто кого переиграет?

Вынужденное молчание дало возможность разглядеть своего героя очень внимательно. О, эти манжеты с запонками, эти часы, этот прекрасно сидящий костюм, поворот головы, пронизательные глаза. Мне кажется или он и правда читает мои мысли?

Ну что же, должна признать, вы великолепны, Илья Юлье-

вич. С моей стороны было абсолютно наивно полагать, что подобный человек просто так уступит свою девушку другому мужчине.

«Именно», – ответили его глаза.

Мы продолжали играть в молчанку. До тех пор, пока не зазвонил телефон. На дисплее высветилось «Даша». Игнорировать звонок соавтора нельзя, поэтому, пробормотав «Извините», я нажала на соединение.

– Привет, прочитала твой текст, – сразу приступила к делу Даша. – Ну что могу сказать... ты уверена, что мы хотели именно такого героя?

– Не уверена, – осторожно ответила я, стараясь не смотреть на сидящего рядом мужчину и говорить так, чтобы не выдать тему беседы. – Он сам.

– Я так и поняла. Не слушается?

Какой понимающий у меня партнер!

– Совершенно.

На том конце раздался вздох:

– Житие мое... И что будем делать?

– Пока не знаю точно, но вырулим.

– Тебе неудобно сейчас разговаривать? – наконец догадалась Даша.

– Да... у меня тут... встреча с... Ильей Юльевичем, – я все же подняла глаза на творение воображения своего, и это творение вежливо улыбнулось, салютуя стаканом с минеральной водой.

Откуда взялась вода? Я посмотрела на столик. Рядом с икебаной самым волшебным образом появился поднос, бутылка минеральной, стаканы.

– Эмн... сочувствую, – подбодрила соавтор.

– Передавайте привет Дарье, – проговорил Илья.

Его, кажется, забавлял сдержанный тон моего телефонного разговора.

– Даш, тебе тут привет передают.

– О как... то есть вот так вот, да?

– Да.

– Ладно, ты ему тоже передавай. Пламенный прямо. Позже созвонимся.

– Вам привет от Даши, – сказала я, положив трубку.

Илья улыбнулся. В тот момент мне показалось, что напротив сидит гроссмейстер, который в одиночку ведет партию против двух игроков одновременно. И полностью держит ситуацию под контролем. И его совершенно не смущал тот факт, что вообще-то игроки являются авторами и именно они устанавливают правила игры.

– Вы в этом уверены? – спросил он.

– В чем? – захлопала я глазами.

– В том, что правила игры устанавливаете именно вы?

– Вы подслушиваете чужие мысли, Илья Юльевич?

– Вы слишком громко думаете, Наталья.

Возможно...

– Я считаю, что правила устанавливает автор, именно он

придумывает сюжет и героев, именно он складывает из букв историю, которой потом соперещивают читатели.

– А если мне не нравятся ваши правила? – он все еще был удивительно спокоен и расслаблен. Словно это не деловая встреча, а светский разговор. Он со мной играл – я это отчетливо чувствовала. И начинала злиться.

– Придется принять. Вы мне ломаете сюжет.

– А вы мне – жизнь, – и вот тут я наконец услышала их – те самые стальные нотки, о которых писала.

Голос остался таким же негромким, только слегка изменился окрас.

– Вы сильный человек, Илья, у вас есть все: бизнес, деньги, положение в обществе...

– Нет, так дело не пойдет, – прервал меня «сильный человек». – Вы и вправду считаете, что я настолько глуп, чтобы поддаться на эти утешительно-льстивые речи? Дуня – необычная девушка, вы это знаете не хуже меня. Красивая, умная, добрая, с прекрасным чувством юмора, мне с ней хорошо. Почему я должен отдавать свою женщину другому мужчине в угоду вашему сюжету? Назовите хоть одну причину.

– Она не любит вас.

– С чего вы взяли?

– Потому что Дуня встретила другого человека и поняла, что ваш мир и ваши друзья ей чужды.

– Согласно сюжету романа, правильно?

– Да.

– Перепишите сюжет.

– Вот так просто?

– Вот так просто, – он даже позволил себе улыбнуться.

– Я не могу. Есть роман. Есть героиня и есть герой. Вы меня извините, конечно, но этот роман не про вас. Вы... как бы это сказать, чуть ближе ко второй линии актеров на сцене.

– Наталья, Наталья... – покачал головой Илья Юльевич, – вы же меня сами выдумали... неужели до сих пор не поняли, что то место, которое мне отведено, – это место проигравшего. И оно меня не устраивает. Я не проигрываю.

– Понимаю, – вести беседу было все труднее и труднее, – еще как понимаю, но сюжет переписывать не буду! Ваня влюблен в Дуню по уши. Он страдает! Мы с Дашей должны обязательно соединить героев!

Вот уж в чем я могу точно посоревноваться с моим собеседником, так это в упрямстве.

– А я – не люблю? – он впервые повысил голос и выказал хоть какое-то волнение.

– Любите, – вздохнула я.

Он любил. Я это знала как никто другой. Я знала, какую боль вскоре ему причиню, и боялась писать предстоящие сцены. Не просто боялась – трусила. Но все же знала, что должна провести Илью через все это: измену, боль, разрыв, одиночество... а он сидел передо мной с четким намерением не отступать. Мой прекрасный герой.

– Так в чем же дело, автор? Исправьте сюжет, добавьте пару сцен. Что может ей дать этот Ваня?

– Целый шар земной, – тихо ответила я.

Он пренебрежительно хмыкнул:

– Все это сказки. Я смогу дать больше. Подумайте, поговорите с Дашей, обсудите... я умею ждать.

«И выигрывать», – подумала я. В этом все дело. Он не знал поражений. А человеку обязательно надо познать не только вкус победы, но и поражения. Пройти испытание. Узнать цену себе. Через страдание в том числе.

– Это невозможно, – упрямо ответила я. – Понимаете, вы не половинки с Дуней. Да, она хорошая, да, необыкновенная, и вы, без сомнения, прекрасный герой, достойный, но... вы не половинки. Ваня и Дуня – единое целое. А вы...

– А я ее не отдам.

Он просто поставил перед фактом. И я подозревала, что так и будет. На каждый Ванин шаг он ответит своим. Дуня станет канатом, который начнут перетягивать из стороны в сторону. В итоге измучаются и устанут все, авторы зайдут в тупик, а прекрасная история любви превратится в долгую изматывающую войну. Я слишком хорошо знала Илью. И мучительно искала выход. В конце концов, почему я должна проиграть собственному герою?

– Подождите... не надо делать таких бескомпромиссных заявлений. Ведь весь жанр любовного романа построен не просто на романтической истории, а на встрече двух поло-

винок. И если Дуня не ваша половинка, то...

– Продолжайте.

– То где-то бродит ваша! – победно закончила я. – И однажды она обязательно найдется.

– Правда? – в его голосе отчетливо слышалась ирония.

– Конечно, – мой голос был неправдоподобно оптимистичен.

– И что же это за половинка?

– Я пока не знаю.

Снова образовалась пауза. Но уже не такая, как в начале разговора. Мы оба усиленно думали. И я очень надеялась, что бизнесмен в моем герое возьмет верх. На это, в общем-то, и сделала ставку.

– Хорошо, – сказал наконец Илья, взвесив все за и против. – Наверное, я мог бы уступить вам Дуняшу... при условии, что вы отыщете мою половину.

Бинго! Я скрестила пальцы на удачу. Найду, я тебе найду, не сомневайся, только отдай Дуню, пожалуйста. Я тебе даже контракт напечатаю, подпишу, заверю печатью, если надо!!!

Очень трудно было сохранять невозмутимое выражение лица.

– Я ее найду. Слово автора.

– Я буду счастлив?

– Очень.

– Мое требование – покажите мою половину до того, как Дуня уйдет к другому. Я должен ее увидеть. Если этого не

произойдет, наша сделка аннулируется.

Я не представляла, где искать героиню, не знала, какая женщина ему нужна, какой у нее должен быть характер и род деятельности. Такие вещи невозможно вычислить и запрограммировать, но это был хоть какой-то шанс не запороть роман. Это был робкий свет в конце тоннеля! Поэтому я сказала:

– Согласна. Портрет, возраст, характер, привычки и паратройка сцен из вашей счастливой жизни будут ровно в срок.

Он кивнул головой. Сработало.

Бизнес-центр я покинула с легким сердцем. Стоял август. Еще жаркие дни, но уже порывистый предосенний ветер. Москва. Мне предстояло проехаться до института архитектуры, который оканчивала Дуняша. Надо было сделать пару фотографий, пройти тем маршрутом, которым вскоре пройдет героиня вместе с Ваней.

Я выиграла. И это было радостное чувство. Роман допишется, история любви прозвучит, и я выиграла!

«Вы в этом уверены? – раздался невозмутимый голос в моей голове. – По-моему, я совсем недавно отвоевал себе право на счастье. Не все ведь находят свои половинки, правда?»

– Вот гад, – выругалась я, не в силах скрыть восхищение. И отчетливо услышала тихий смех.

Что оставалось делать?

Только набрать в телефоне сообщение: «*Даша, мы влипли*».

«*Я уже поняла*», – пришел ответ.

Некоторое время спустя

Наташа: мы пока не обговаривали девочку)))) он не в курсе, КТО ЕМУ ДОСТАНЕТСЯ)))))))))) студентка, девственница, авантюристка и вруша))))))))))

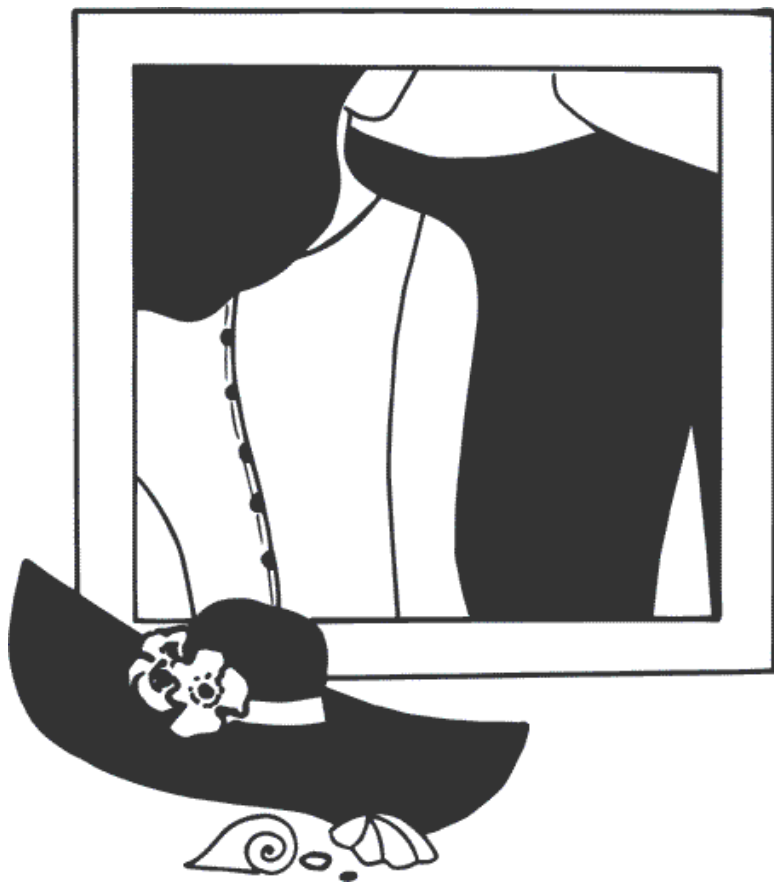
Даша: это называется КАРМИЧЕСКАЯ ПОВАРЕШКА! Знаешь, альтернативное название этой истории будет «Катарсис Ильи». У него реально мир перевернется)

Наташа: эта девочка, которую мы придумали, доведет его до сумасшествия.

Даша: а нечего было мешать нам писать роман. Вот пусть и получит свою половинку.

Наташа: да будет так.

Часть 2. Царица, автостопщик, ТТ, ИИ

Свадьба

Дуня беспокойно вертелась перед зеркалом. Спальня была маленькой, отойти на нужное расстояние никак не удавалось. А там, на спине, – бант!

Катя расправляла складки атласной юбки:

– Не крутись!

– Да-да, не крутись, – вторила ей Марина Рох, которая держала в руках большую кисточку, завершая макияж Дуниши.

А как тут не крутиться, если не видно? Дуня очень долго искала свадебное платье, потом прятала его от Вани в чехле – жениху же нельзя видеть наряд невесты заранее. И вот теперь, когда время пришло, ничего не видно.

– Ой, Дуняшка, какая ты хорошенькая! – восхитилась Катя.

– Все веснушки замазаны, – констатировала Рох.

– Ваня найдет, – уверенно заявила Дуня и, поняв, что все равно ничего не увидит, спросила: – Бант как?

– Хорошо, – ответила Марина, – главное, чтобы дожил в целости и сохранности до конца свадьбы. И чтобы ИванИваныча удар не хватил от такой красоты.

– Это чей такой красивый мальчик? – ладонь Тихона увесисто похлопала друга по спине. – А, это Дуни-без-пяти-минут-Тобольцевой мальчик.

– Тин, перестань! – Ваня дернул плечом и нервно поправил воротник рубашки. – Лучше скажи: все нормально?

– Галстука не хватает, – вместо Тина ответил Рося, жестом контрабандиста распялив на пальцах несколько упомянутых галантерейных изделий. – Смотри, вот этот, серенький с черным. Исключительно везучий. Я в нем ни одного процесса не проиграл.

– Никакого галстука! – хором рывкнули Тихон и Ваня. А потом Иван вздохнул и продолжил: – Ладно, пошли. Уже пора.

– Не дрейфь, – ладонь Тихого пришлась в этот раз на плечо. – Драку я беру на себя. А то какая ж свадьба без драки.

Ваня махнул рукой и вышел из комнаты. За его спиной Славка что-то шипел Тину про то, что так нельзя и что человек нервничает.

А человек не нервничает. Человек женится.

Три быстрых, три медленных, три быстрых. Mayday, mayday. Спасите, тону.

– Только не говори, что ты снова порезал палец, – ответила из-за двери Дуня с нервным смешком.

– Никак нет. Выходи, царица. Замуж пора.

* * *

На кухне три женщины готовили обязательный реквизит для ЗАГСа – конфеты, цукаты и шампанское. Они деловито хлопотали и дружелюбно переговаривались, но в помещении все равно чувствовалось напряжение между недавно познакомившимися людьми, которые внимательно присматриваются друг к другу. Как-никак, будущие родственники.

– А все-таки жаль, что вы Евдокию не отдали в музыкальную школу, – стоявшая у окна Идея Ивановна в любимом синем платье и с тщательно уложенным облаком пепельных волос обернулась к своей... через час уже сватье.

– Зато ее научили варить борщ, – невозмутимо парировала собеседница – голубоглазая женщина с гладко убранными волосами и роскошной шалью на плечах. При этом она продолжала упаковывать последнее из реквизита – коробки с шоколадными конфетами.

– Хватит в семье и одного музыканта, – вставила Антонина Марковна свое веское слово.

– Пока двух, – Ида Ивановна едва заметно поджала губы. – Вот когда родятся внуки...

– Чтобы они родились, надо не опоздать в ЗАГС, – баба Тоня поднялась из-за стола. – Так что пойдемте, девоньки, пойдемте.

Дунина мама взяла пакет со сладостями, Ида Ивановна – со спиртным, намереваясь его передать Ростиславу. Но сначала этот пакет проинспектировала Антонина Марковна.

– Ида, а ты мою наливочку что, не положила?

Женщины переглянулись, улыбнулись друг другу и дружно вышли с кухни.

* * *

Все получилось быстро, весело и немного сумбурно. Ду-не в какие-то моменты казалось даже, что происходящее – сон. А вот когда в красиво убранном зале строгая женщина спросила ее: «Согласны ли вы?..», – сразу поняла: оно, настоящее, главное. И немного помедлила с ответом. Просто для того, чтобы запомнить эту минуту. Дуня не волновалась совсем, взглянула на Ваню и твердо ответила:

– Да.

Гулять решили в «госТИНцах». Потому что... потому что... Тихий, хитро посмеиваясь, сказал, что с меню и вообще с ресторанными делами разберется сам.

На пороге ресторана молодых встречала баба Тося в красивом французском берете (чай, на дворе не май месяц!), держа на расшитом птичками рушнике румяный каравай. Кто больше откусит, тот и глава дома.

– Кусай под колоском прямо, там подпилено, – услышала Дуняша басовитый шепот Тихого прямо на ухо.

Под колоском так под колоском! А подпилено было хорошо, даже отлично! Так, что полкаравая сразу оказалось у Дуни. Пришлось срочно подставлять ладони, чтобы кусок не упал на землю.

– Отличное фото! – закричал Фил, любясь невестой с половиной пирога в зубах.

Ваня рядом хохотал в голос. Дуня все же откусила кусочек, а остальное у нее из рук забрал теперь уже муж.

– Не надо было таких жертв, – сказал он негромко и улыбаясь, – я и так на царскую власть не претендую.

После чего... быстро съел весь кусок сам! Ну, врун же!

Теперь уже смеялась Дуняша. И в какой-то момент встретила глазами с бабой Тосей, которая утирала кончиком пальца слезу – то ли от смеха, то ли...

Они потом сумели немного поговорить, когда Дуня во время перерыва между холодными и горячими закусками обходила гостей, в очередной раз принимая поздравления. Антонина Марковна сидела на стуле, повернувшись лицом к залу, и рассматривала гостей. Дуня села рядышком, взяла ее немолодые натруженные руки в свои и сказала единственное слово, которое вмещало в себя всё:

– Спасибо.

Спасибо за внука, спасибо за то, что помогли встретиться с Ваней после мучительной разлуки и стали настоящим ангелом-хранителем, спасибо, что приняли меня и полюбили, спасибо, что вы, такая мудрая и добрая, живете на этом

свете.

– Спасибом сыт не будешь, Дуняшка. Правнуков бы по-нянчить...

Как раз в это время мимо пробежала дочка Тихого – Марфа. Обе собеседницы проводили ее взглядом. Девочка остановилась около Идеи Ивановны и начала ей что-то говорить.

Дуня едва слышно вздохнула, а потом совсем не по-царски обняла бабулю:

– Мы очень постараемся исполнить ваше желание, – прошептала она.

* * *

Маленькая детская ладошка утонула в крупной мужской. И потянула за собой.

– Папа, папа, я такую тетю видела! Пойдем покажу!

– Хорошо, – рассеянно кивнул отец, следуя за дочерью и попутно простреливая банкетный зал взглядом внимательных серых глаз. Сегодня у Тихона праздник, свадьба друга, и он искренне рад. Но и вместе с тем он на работе и должен обязательно проконтролировать, чтобы все было сделано на высшем уровне. Это просто сильнее его.

– Это такая хорошая тетя! – между тем щебетала Марфа, с унаследованной от отца напористостью таща его за собой. – Она обещала научить меня играть на пианино!

Тихого посетила ужасная догадка, и он резко притормо-

зил. Но было уже поздно.

– А вот и мой папа! – торжественно объявила Марфа. Женщина, к которой обращалась девочка, восторгов ребенка явно не разделяла, но кивнула и улыбнулась нейтрально.

– Мы знакомы с твоим папой, – и после паузы и внимательного взгляда. – Здравствуй, Тихон.

– Здравствуйте, Идея Ивановна, – демонстративно бодро ответил Тин, намертво и злорадно запамятавав, что женщина действительно всем рекомендовалась Идой.

– Правда? – восхитилась Марфуша Тихая с истинно детской непосредственностью. – Тогда вы сами все ему скажете, хорошо? А я танцевать пойду!

Тихий проследил взглядом за дочерью и какое-то время наблюдал, как девочка в белом, отделанном кружевами платье самозабвенно кружится под музыку посреди танцпола. Ида Ивановна тоже посмотрела туда.

– Кто бы мог подумать... что ты отец этого очаровательного создания.

Сарказма в этой фразе было дозировано с ювелирной точностью – Тихон оценил. И комплимент собственной дочери тоже оценил и даже от всей души с ним согласился. Поэтому решил не вступать в открытую конфронтацию.

– А что, очаровательное создание в самом деле заинтересовано в пианино?

– Неужели отец не знает этого о собственной дочери? – Ида Ивановна невозмутимо поправила брошь у ворота пла-

тъя.

– Она твердит о пианино последние три месяца. Но предыдущие три месяца она требовала полет на парашуте. Так что я не уверен, что это стоит принимать всерьез.

Его собеседница какое-то время внимательно смотрела на Тихона, а потом вздохнула.

– Что же... Если захочешь проверить, насколько это у нее все серьезно, мой телефонный номер есть у Вани. Позвони, я посижу с девочкой пару часов у инструмента – в школе или дома. Этого хватит, чтобы понять, стоит ли овчинка выделки. Или тебе лучше ждать, когда она переключится с фортепиано на что-нибудь другое.

Тин несколько секунд исподлобья разглядывал женщину напротив.

– А если... – он нахмурился, явно подбирая слова, – если у Марфы не обнаружится никаких способностей к пианино: ни слуха, ни... чего там еще надо... – вы ей об этом скажете?

– Нет, конечно, – Ида Ивановна даже пожатием плеч выразила удивление таким вопросом. – Это я скажу тебе или Серафиме Андреевне. Я умею работать с детьми, Тихон. И не переживай. Твою дочь я не обижу. Уж ее... тем более.

Собеседники внимательно посмотрели друг на друга. А потом одновременно кивнули. Два умных человека всегда смогут понять друг друга. Рано или поздно. И несмотря на все былые взаимные разногласия.

Один умный человек еще хотел что-то добавить, но дру-

гой умный человек прижал палец к губам.

– Тише! Сейчас Ванечка играть будет.

* * *

В четыре руки они сыграли первый куплет. А потом Ваня кивнул музыканту и убрал пальцы с клавиш. И сидел какое-то время, прикрыв глаза. Ждал, пока музыка наполнит его и потечет по венам. И только тогда встал с места.

Он шел к ней. Шел долго, от обочины пензенской трассы, через встречи и разлуки, ссоры и примирения, разлуки и встречи. Чтобы пригласить на самый главный танец. Свадебный.

Дуня смотрела, как он шел к ней. И снова исчез зал и люди вокруг. Весь мир исчез. Только музыка, он и она. Та, которой он сегодня любит весь день. Все в ней было сегодня невероятно красиво. И изящное платье с меховой пелериной и роскошным бантом сзади. Яркими камушками сверкающая диадема в сложной прическе. Но больше всего Ваня любовался сияющими звездами глаз и тонкими пальцами, на одном из которых теперь красовалось обручальное кольцо. Его Дульсиня. И он молча протянул ей руку.

Вложив ладони в ладони, вышли на танцпол и замерли, подняв соединенные руки. Ожидая нужного такта. Они репетировали заранее, но сейчас собирались танцевать только для себя. Только он, она и музыка.

– Наконец-то мы одни, царица моя.

И царица тут же споткнулась. На третьем шаге. Замерла, глядя ему прямо в глаза.

– Я люблю тебя.

Дульсинея Тобольцева – просто мастер признаваться в любви в самых неожиданных местах. А с другой стороны... Сегодня их свадьба. И нет никого. Только она, он и музыка.

Иван коснулся губ жены легким поцелуем.

– Я тебя тоже, – а потом крепко сжал тонкие пальцы. – Левый квадрат на счет три.

Они разошлись в стороны, держась за руки. А потом встали в нужную позицию, чтобы начать все заново. Это их день, их танец. И Иван с Дуней двинулись вслед за музыкой, не отрывая глаз друг от друга.

В зале звучала медленная, немного чувственная мелодия. Но, словно играя с ней, пара в центре зала двигалась сдержанно и деликатно. И очень красиво.

На последних аккордах партнер аккуратно взял партнершу и несколько раз повернулся. Так аккуратно, что даже бант, который он развяжет спустя несколько часов, не шелохнулся.

А когда Иван опустил жену на пол, она обхватила его за шею и на последней, еще звучащей ноте прошептала: «Мой Ваня». И каждый в зале мог видеть светящиеся счастьем женские глаза, выглядывающие над мужским плечом.

Креветки

Иван поверх меню разглядывал кафе. Кафе находилось в выставочном центре, выставочный центр – в городе Франк-фурт-на-Майне, город – в земле Гессен, земля Гессен – в государстве германском. Прибыл сюда Тобольцев по делам служебным. Однако помимо работы был тут у Вани и личный интерес. И сейчас этот интерес уже на десять минут опаздывал.

Когда стало ясным, что им с Дуней удастся поехать вдвоем в деловую поездку, они были ужасно рады. Не так уж часто у них подобным образом складывалось. С учетом плотных рабочих графиков вдвоем они ездили только отдыхать, и то – раз в год. А тут получилось совместить приятное с полезным. Крупнейшая европейская выставка, посвященная оформлению интерьеров. Ваня едет в составе русской делегации фотографом, а Дуня вывозит порезвиться какую-то очень состоятельную клиентку. Очень удачно все совпало.

А вот теперь так уже не казалось. Нет, дорога была весьма веселой. Первая ночь в отеле, на новой постели – и вовсе жаркой. Но вот потом они друг друга практически не видели. Вечером, едва добравшись до номера, приняв душ, перекинувшись парой слов и разобрав служебную почту – падали в постель, успевая лишь обнять друг друга. Особенно зверствовала Дунина клиентка, захватив царицу в совсем не

полагающееся по статусу рабство. И сейчас явно по ее вине Дуняша опаздывает. А, ну вот, наконец-то!

– Надо было кеды надевать, – Дуня совсем не по-царски плюхнулась на стул, залпом выпила уже заказанный Ваней сок и тут же потянулась за его стаканом.

– Надо, надо было мужа слушать, да, – Иван протянул руку и заправил выбившуюся у румяной щеки прядь волос за ухо. А потом подвинул жене меню: – Хека по-царски в наличии нет. Погляди, чем заменять будешь. Я присмотрел стейк. Наши вчера тут обедали – хвалили.

Дуняша кивнула, допивая сок.

– Чувствую, клиентка меня за оставшиеся два дня укатает, еле вырвалась. У нее энтузиазма на пятерых хватит. А главное, выбирает все то, что невозможно сочетать между собой. Как я потом этими покупками буду комнаты декорировать?

Вопрос был риторическим, и Иван мог только сочувственно помолчать. Дуня между тем обратила наконец внимание на меню, бегло проглядела его и вынесла вердикт:

– Раз хека по-царски нет, беру креветки.

– Может быть, все-таки лучше стейк? – Иван взглядом нашел официанта и кивнул. – Стейки тут достоверно вкусные, а креветки... кто их знает?

– Я царица или нет? – Дуня вздернула нос. – Хочу креветок!

– Дело царское, – кивнул Иван, когда заказ был сделан. –

И кеды завтра тоже не надевай ни в коем случае.

Дуня рассмеялась. Нога в серой лаковой лодочке под столом коснулась бордовой замшевой кроссовки. А на столе встретились руки – его с широким браслетом черных пластиковых часов и ее – с алым маникюром. Им было что сказать друг другу.

* * *

Вечером Дуне стало плохо. И это «плохо» никак не заканчивалось. Вечер перешел в ночь, сил не осталось совсем, но внутри с завидной периодичностью что-то туго завязывалось в узел, рождая болезненные спазмы, и надо было успеть добежать до ванной. Измученная, с испариной и влажными волосами Дуня бессильно поползала до кровати и укрывалась одеялом, потому что начинался озноб.

Ваня уговаривал ее по глоточку пить воду, чтобы избежать обезвоживания. А Дуня и на воду смотреть не могла.

– Говорил же я, говори-и-ил, что мясо лучше креветок. Надо было мужа слушать.

Надо. Теперь она с ним соглашалась. Сил спорить не было. А при одном только воспоминании о креветках... вскочить и снова в ванную.

– Может, врача вызвать? – он встретил ее у двери и, поняв, что сил у Дуни совсем не осталось, подхватил на руки: – Если тебе до утра не станет лучше, поедem в больницу.

Дуня послушно закивала головой. И так же послушно чуть позже, уже сидя на кровати, сделала маленький глоточек, когда ей под нос сунули стакан с водой.

– Эх ты, царица моя упрямая, – вздохнул Ваня, положив голову жены на свое плечо, – горе мое луковое.

Царица упрямая согласно шмыгнула носом. Было очень себя жалко. Так жалко... в общем, шмыгнула носом еще раз.

Организму в больницу, видимо, хотелось не очень, поэтому часам к трем ночи он успокоился, дав двум уставшим людям временную передышку. Сон пришел мгновенно. А ближе к рассвету Дуня проснулась из-за все той же противной тошноты. Да что же такое! Лежала и боролась с этим неприятным ощущением. И тошнота какая-то... ноющая, без спазмов. И вроде уснуть с ней даже можно, если постараться, а не получается. Надо посчитать барашков. Нет. Сначала надо барашков представить. Они такие маленькие, беленькие, пушистенькие, не вот тебе большие бараны, а еще детки... и на этой мысли, когда в воображении уже выстроился ряд барашков для пересчета, сон окончательно исчез.

Просто потому, что... она уже в командировку летела с небольшой задержкой, но по этому поводу не беспокоилась – подобное периодически случалось... а напряженные дни с клиенткой на выставке совсем заставили забыть... и...

Дуня все же вернулась к счету, только на этот раз уже дней, и получалось... получалось...

А Ваня спал. Крепко. Оно и понятно – после такой-то но-

чи. А Дуня вот не могла. Она и лежать теперь спокойно не могла. И вообще, недалеко от отеля есть аптека – правда, неизвестно, дежурная или нет. Хорошо бы дежурная, круглосуточная, потому что ждать открытия терпения не было совсем. А вдруг? Вдруг это вовсе не отравление?

Аптека оказалась дежурной. Нетерпеливая спешно одетая Дуня узнала об этом внизу на ресепшен.

Правда, провизор по-английски не понимал, а Дуня не изъяснялась по-немецки. Пришлось рисовать две полоски на листе бумаги. Из-за стресса она купила пять разных тестов. Чтобы уж наверняка. И все пять показали одинаковый результат – положительный.

А Ваня все спал...

А тут...

Дуня смотрела на веер из тестов. Сколько он еще будет спать? Она не выдержит ждать. Присев на край кровати со стороны мужа, Дуняша свободной рукой тронула плечо с темной вытатуированной вязью.

– Вань, Ваня-я-я...

Он не проснулся.

Пришлось тихонько потрясти. Подскочил как ужаленный, сразу схватил за руку, в глазах...

– Тебя тошнит?

Дуня покачала головой:

– Нет.

И сунула ему под нос все тесты.

– У меня... у нас... вот...

Он долго рассматривал представленную новость, а потом констатировал очевидное:

– У нас НЕ КРЕВЕТКИ.

– Не они... – очень тихо, почти шепотом подтвердила Ду-
няша.

Ваня зевнул, закрыв ладонью рот.

– Ну и отлично. Раз тебя больше не тошнит и это не кре-
ветки, давай спать. Нам вставать в девять.

Сказал и лег. И глаза закрыл! И даже задышал ровно,
словно уже начал дремать.

Дуня растерянно смотрела на спину мужа. И это все?! Вся
реакция на новость?!

А потом опустила голову и заморгала. Нет, она конечно,
предполагала, что у мужчин и женщин разная реакция на
подобные события, но не до такой же степени... Это ведь
ребенок! Это... это...

Не хотела и все же хлопнула. И губы задрожали.

* * *

Он лежал и старался дышать ровно, притворяясь спящим.
И ждал. Визга. Удара сзади подушкой по голове. Нагоняя.

Ничего не происходило. А когда тишина стала совсем
странной, раздался звук. Всхлип.

Что, не смешно сейчас было?!

Тут же очевидно стало, что не смешно. Иван подскочил, развернулся. Успел заметить дрожащий подбородок и повисшую на ресницах слезу. И обхватил руками жену, прижал крепко.

Прости, ох, прости. Я думал, будет смешно. Хотя какие уж тут шутки.

Он обнимал и укачивал Дуню как ребенка. Так, как, наверное, будет качать через какое-то время своего малыша. Осознание произошедшего стало медленно расширяться в голове. Или в груди. И тут же возникла острая необходимость что-то сказать.

– У твоего мужа дурацкое чувство юмора, – в темные волосы над ухом. – Надеюсь, наша кроватка его не унаследует.

Дуня перестала хлюпать. Прижалась и обняла поперек спины. Наверное, они выглядели со стороны странно: он – в одном исподнем и она – в джинсах и футболке, надетой задом наперед. Только наблюдателей тут не было. Лишь он и она. И еще... кое-кто.

– Ты... ты рад? – проговорила Дуня тихо ему в трайбл.

– Я СЧАСТЛИВ, – Иван вдохнул полной грудью. – И очень-очень тебя... вас... люблю.

– Ваня... Ванечка мой...

А он гладил ее по голове, зарывался пальцами в волосы, массировал кожу. Успокаивал как мог. И одновременно пытался справиться с тем, что все разрасталось в груди.

Да, они планировали. Да, собирались. Да, не предохраня-

лись. И как им в голову пришло грешить на кровати?

Господи, они дураки.

Господи, неужели это правда?!

– Я так ждала эту поездку, никогда не была на подобных выставках. Здесь все очень интересно и... – Дуняша вздохнула и прижалась плотнее к его плечу. – А сейчас больше всего хочу домой. Ты хочешь домой?

– Мой дом там, где ты.

Свершившийся факт расширился окончательно и обрушился во всей своей непреложности на совершенно растерявшегося Тобольцева.

Ему казалось, он сейчас лопнет. Просто лопнет от знания, открывшегося ему. Как все будет. И что он больше не сам по себе. Теперь он отвечает не только за себя. И не только за Дуню, которая вполне взрослый человек и в целом сама за себя в состоянии ответить. Теперь есть еще некто, кто появится на свет благодаря ему, Ивану. И за которого он отвечает отныне и до конца дней своих.

Как страшно.

И прекрасно.

В голове что-то перемкнуло, и, чтобы не сойти с ума окончательно, он произнес, прижимая крепко и бережно свою женщину к груди.

– Если будет сын, то назовем Франк... фурт. А если дочка – то Майна.

Дуня рассмеялась. И даже не стала спорить.

А родившееся спустя восемь месяцев дитя не назвали ни Франкфуртом, ни Майной, потому что бабушка Идея была против.

ТТ

Дочитать статью про новинки косметики не получилось. Интересный рассказ о свойствах ночного крема 30+ прервал возмущенный детский возглас:

– ПапА-А-А!!!

Именно так – на последний слог. Практически по-французски.

Дуня отложила глянцевого журналу и перевела взгляд туда, где около самой кромки воды строился замок из песка. Вернее, замок уже был построен, и теперь начинались дурачества. В чем в чем, а в этом Ваня был мастер. Как показала жизнь, детство все эти годы мирно спало в нем, а с появлением Танечки – проснулось, и если папа и дочка начинали играть, то выглядели ровесниками.

– А взлослая у нас мама, – важно объясняла Таня бабушке Иде совсем недавно, когда та красноречиво посмотрела на грязные джинсы сына после догонялок в детском городке.

Взрослая мама Дуня в умопомрачительном купальнике в крупный горох удобно устроилась на пляжном лежаке и принимала солнечные ванны. Потому что долгожданный отпуск, и можно рано не вставать и наслаждаться беззаботностью целых десять дней. На столике под зонтиком стоял стакан с апельсиновым соком. Море было голубым-голубым, совсем без волн, а солнечные блики сверкали серебристыми пят-

нышками.

– Папа-А-А! – восторженный визг, и дочка быстро отскочила в сторону, успев увернуться.

Все-таки на берегу было намного интереснее, чем под зонтиком в компании глянца.

Дуня взяла широкополую шляпу, украшенную маками, – подарок свекрови, поднялась на ноги и пошла на встречу с детством.

* * *

Замок для принцессы был построен. И теперь пришла очередь коварного дракона. Танечка широко распахнутыми глазами, полными любопытства и предвкушения, смотрела на небольшую горку песка. И вот внезапно, взметнув песчаное облако, оттуда появилась мужская рука в попытке схватить маленькую пухлую ножку.

– Нет, папа, нет!!! – восторженный визг слышен по всему пляжу. Отскочив на пару шагов и едва удержав равновесие, Таня вновь смотрит на папину руку, ожидая, что будет дальше. Как у истинной женщины, ее «нет» означает... все что угодно.

А дальше к их компании присоединяется пара женских ног.

Иван смотрел на аккуратные пальцы с алым лаком. И вверх – по загорелым икрам, округлым бедрам, через закры-

тый купальник в крупный горох, к затененному шляпой лицу. Другая рука сама собой потянулась к телефону в кармане шорт и тут же запечатлела женские ступни, присыпанные песком. А потом, вернув телефон на место, принялась нагреть песок на безупречный красный педикюр.

– Вы купаться пойдете? – донеслось сверху.

Довершив начатое, Ваня поднялся на ноги, попутно прихватив на руки дочь. Она тут же уставилась на него огромными глазами в обрамлении бесконечных ресниц. Эти глаза смотрели на Ивана отовсюду – с экрана смартфона, с фоторабот на стенах квартиры, из рамочки на рабочем столе, с монитора ноутбука. Глаза его любимой дочери. Его принцессы.

– Мы пойдем вон туда, – наклонив голову, он поцеловал жену в слегка облупившийся от солнца нос с выводком веснушек и махнул рукой. – Потому что там самые красивые...

– Йакуськи! – с важным видом дополнила Танюша.

– Вам будет нужен фотограф! – и не подумала оставаться в стороне царица. – Вы не сможете сразу и ракушки искать, и фотографировать!

– Возьмем маму с собой?

Таня переводила взгляд с отца на мать.

– Я отлично фотографирую! – часто закивала Дуня.

– Возьмем, возьмем! – Танечка начала подпрыгивать на руках отца, теребя от предвкушения пальчиками оборки. Горох на ее штанишках был братом-близнецом мамино.

Глаза под полями соломенной шляпы с красными цветами сузились. Указательный палец указал на присыпанные ноги.

– Откапывай, автостопщик!

Иван улыбнулся. Несмотря на годы брака и почти четырехлетнюю дочь, он по-прежнему был для нее автостопщиком. Тем, кого Дуня когда-то заметила и полюбила. Тобольцев перевел взгляд вниз. А может, это и справедливо, что женщинам с таким задорным характером достаются еще и очень красивые ноги. И не только ноги.

– Да что там откапывать, – он потянул жену за руку и выдернул из горки песка. – Пошли, фотограф. Покажешь свое мастерство.

И потащил ее за собой. Дуня сжимала его ладонь и улыбалась, но при этом ворчала:

– Надо было вчера на ночь читать про Василису Премудрую, а не «Репку». Наслушался... Таня за Ваню, Ваня за маму и... вытащили маму.

Иван не выдержал и расхохотался. Танечка тоже рассмеялась звонко и захлопала в ладоши.

– Мама – Йепка! Мама – Йепка!

– Вот так вот, – негромко произнес Иван. – Никакая ты не царица. Ты – Йепка!

Дуня лишь показала язык, воспользовавшись тем, что Танечка с восторгом разглядывала летящую низко над морем чайку.

Фотограф из Дуни, может, получился и не блестящий, но определенно подающий надежды. А некоторые кадры так вообще просились в рамочку. Дуня сидела с ногами в кресле гостиничного номера и просматривала снимки.

Танечка держит в руках ракушку.

Ваня, сидя на песке, поправляет дочке панамку.

Двое незрелых строят рожицы одной взрослой.

А вот над следующим фото она замерла и долго его разглядывала.

Танечка на руках у Вани. Оба в профиль. У обоих на плечах – тату. Только у мужа – настоящая темная вязь, а у дочки – переводные картинки: единорог (куда же принцессе без него!), цветочек и звездочка.

– Я как папА-А-А! – прыгала от восторга Таня, разглядывая себя в зеркало утром после того, как Дуняша навела всю эту красоту.

Движением пальца увеличила кадр, разглядывая лица. Совершенно одинаковые глаза, совершенно одинаковые пушистые ресницы. Умопомрачительные просто ресницы.

Такому добру пропадать нельзя.

Дуня слегка закусила губу и отправила сообщение.

Ответ от Идеи Ивановны пришел незамедлительно.

«Танечка совсем шоколадная стала».

И пока Дуня раздумывала над тем, что написать, получила еще одно послание.

«Надеюсь, тату переводное».

Ну вот, совсем другое дело! Теперь можно пикироваться. Время пошло. Пальцы с алым маникюром быстро набирали текст.

«Боюсь, у Вани – нет».

«Боюсь, пенять ему на это уже поздно. Ты не забываешь надевать шляпу, которую я тебе подарила?»

«А Ваня вам разве не присылал меня в шляпе?»

«Только Танечку. Но поверю на слово».

Дуня широко улыбалась, глядя на экран телефона. Она была абсолютно уверена, что другой дуэлянт получал не меньшее удовольствие от переписки.

Однако раунд пришлось срочно завершать. На кровати по соседству Таня тыкала пальцем в тетрадку и заставляла «папА-А-А» писать имена, а потом показывала буквы и требовала, чтобы их называли.

– А, – говорил Ваня.

– А это?

– О.

– И это «О»! И это!

– Молодец!

Дуня примирительно ответила свекрови: «*Верьте*», сведя к традиционной ничьей, и поднялась с кресла.

На тетрадном листе зеленым фломастером было написано: «Танечка Тобольцева». Сама Танечка, которая нашла все буквы «А» и все буквы «О», с задумчивым видом смотрела на свое имя. Для усиления мыслительного процесса погрызла палец, а потом довольно воскликнула:

– Я нашла! Есть еще двойняшки! Это? – и показала на первую букву в своем имени.

– Т, – ответил Ваня.

– И тут Ти! – объявила Танечка, указывая на заглавную букву фамилии. – ТиТи!!! ТиТи!!! ТиТи!!!

Родители переглянулись.

– ТиТи! ТиТи! ТиТи! – на все лады повторяла Танечка, кружась по комнате в новом платье.

– ТТ? – подняв бровь, спросила Дуня у мужа.

Ваня почесал затылок и широко улыбнулся:

– Ну, с самозарядом¹ точно.

¹ ТТ – первый армейский самозарядный пистолет СССР, разработанный в 1930 году советским конструктором Федором Васильевичем Токаревым.

Принцесса и дракон

– В далеком-далеком королевстве жила прекрасная принцесса. Была она так красива, что все принцы мечтали сделать ее своей женой. Когда принцессе исполнилось семнадцать лет, старый король решил устроить смотр женихов для своей дочери. Глашатаи разнесли весть во все концы земли, и вот в назначенный день принцы прибыли в королевский дворец, где готовилось состязание на самого умного, сильного и ловкого. Но только был объявлен первый конкурс, небо вдруг потемнело, солнце скрылось за тучами, раздался гром, и на землю опустился огромный черный дракон, изрыгающий из пасти пламя. Все в страхе разбежались кто куда. А принцесса спрятаться не успела, край ее платья зацепился за маленький золотой трон. Схватил дракон красавицу и поднялся высоко в небо. Унес он ее в свою далекую-далекую страну... – Тобольцев перевел дыхание. Ничего себе, сказка на ночь. Страшилка настоящая.

Танечка лежала в своей кроватке с закрытыми глазами. Неужели заснула? Оказалось, нет. Как только Иван умолк, дочка быстро открыла глаза, в которых не было ни капли сна, и потребовала продолжения:

- Давай дальше!
- Не страшно?
- Неа.

– Ни капельки? – допытывался Тобольцев.

– Ни капельки, – уверила его дочь. – Мне уже мама эту сказку читала, и я знаю, что дракон принцессу не обидит. Он окажется заколдованным принцем.

Танечка снова закрыла глаза и скомандовала:

– Давай!

Иван вздохнул и продолжил:

– ...в свою далекую-далекую страну, где были высокие горы и чистые голубые озера, и...

– Папа, а я ведь принцесса? – прервала дочь чтение.

Она скинула с себя одеяло и села на кровать.

– Конечно, принцесса, – подтвердил Тобольцев.

– Значит, когда я вырасту, ко мне тоже прилетит дракон, да? – глаза девочки возбужденно заблестели.

– Ну... – Иван закашлялся, – это ведь сказка.

– Но ведь я же всамделишная принцесса, – настаивала Танечка, – значит, мне положен дракон! И этот дракон унесет меня в далекую страну.

Детская логика была безупречна, а вот Тобольцеву поплохело. Он вдруг отчетливо понял, что все именно так и будет. Его девочка вырастет, станет очаровательной девушкой, в чем он ни капли не сомневался, и тут появится некто... какой-нибудь прыщавый хлыщ... какой-нибудь самодовольный юнец... какой-нибудь лоботряс... и все! И заберет у него дочь!

И станет его Танечка принадлежать чужому мужчине, нач-

нет для него готовить, стирать, покупать еду, ждать вечерами. И не дай бог, слезы лить.

А этот будет дотрагиваться до его дочери...

– Так, на сегодня, я думаю, достаточно, – раздался негромкий голос.

Иван вздрогнул и обернулся. На пороге детской стояла Дуня:

– Уже совсем поздно, сказку дочитаете завтра.

– Мама, – Танечка, только что сделавшая неожиданное открытие, явно не собиралась послушно ложиться в кровать. – А вот если я принцесса, значит, и ты принцессой была, да?

– Да, – Тобольцев был рад переключиться с ужаснувших его мыслей на разговор, – наша мама царских кровей.

– Значит, к тебе тоже прилетел дракон? Значит, наш папа дракон, а ты его расколдовала?

Дуня посмотрела задумчиво сначала на мужа, потом на дочку, потом, аккуратно придерживая рукой округлившийся живот, присела на край кровати и погладила Танечку по голове:

– Нет, наш папа не дракон. Не ко всем принцессам прилетают драконы. Тут кому как повезет. Мне вот встретился Иван-царевич. Он шел из далекой земли в Москву. На дороге мы с ним и познакомились.

– Он прямо пешком шел?

– Прямо пешком, – улыбнулась Дуня, глянув на мужа.

– Понятно, – серьезно проговорила дочка и погладила ма-

мин живот. – А скоро братик вылупится? Я все жду-жду... а он все никак.

– Скоро, – успокоил всамделишную принцессу Тобольцев.

– А вот... – вечер вопросов никак не заканчивался, – вот если мы человеки, то вылупляется человек, правильно?

– Правильно, – хором ответили взрослые.

– А вот у принцессы и дракона, у них родится кто – человек или дракон?

Родители переглянулись, и после паузы Дуня спросила:

– А ты как думаешь?

– Человек-дракон! – гордо заявила дочь, с видом победительницы посмотрев на недогадливых маму и папу. – Он похож на человека, а потом превращается в дракона и летает как самолет!

После этого Танечка зевнула и наконец снова легла, закрыв глаза.

Дуня накрыла дочурку одеялом, поцеловала ее в нежную щечку.

Тобольцев с облегчением захлопнул книжку.

– А за мной прилетит дракон, я знаю, – сонно пробормотала принцесса и улыбнулась.

Я принес тебе...

Пластелин – 1 шт.

Цветные карандаши (не менее 12 цв.)

Альбом для рисования

Кисточки – 2 шт.

Краски гуашь (не менее 6 цв.)

Цветная бумага

Клей-карандаш

Ножницы с тупыми концами

Мальчики на весеннем утреннике будут скворцами, а девочки – цветами.

Дуня вышла из родительского чата и выключила экран смартфона. Со списком проблем не было. В выходные надо просто заглянуть в магазин канцтоваров – и дело сделано, а вот с «девочки на утреннике будут цветами»...

Предполагалось, что костюмы родители приготовят сами. Нет, проблем с фантазией у практикующего дизайнера не было никогда, проблемы имелись с наличием свободного времени.

Звонок.

– Евдокия Романовна, я забыла спросить, вы Ванечку во сколько заберете?

Дуня вздохнула. Вот, кажется, частные ясли, где все кра-

сиво и уютно, и детишек встречают с улыбками, и плату берут немаленькую, а вопросы...

— Анна Владимировна, — быстрый взгляд на планер, а потом на часы, — у нас же ведь почасовая оплата, правильно?

— Да, но...

— Вот и прекрасно, — оборвала Дуня воспитателя. — Я оплачиваю ваши услуги, ребенка всегда забираю вовремя. Вещи на смену положила в шкафчик. А сейчас извините, у меня важная встреча, — и отключилась.

Повертела в руках телефон. С Ванечкой было сложно. Дуня прекрасно понимала, что заниматься с гиперактивным ребенком, который постоянно норовит залезть куда не следует, все попробовать, потрогать и узнать, сложно. Особенно если в группе он не один. Занятия Ванечке были неинтересны. Рисовать пальчиками на бумаге как все — не нравилось. Нравилось водить разноцветными руками по стенам и окнам. Собрать домик из кубиков — скучно. А весело — найти у няни в шкафчике ложки и бить ими по эмалированной кастрюле.

Все это Дуня прекрасно понимала, но помочь не могла. Работа. Она и так старалась делать заказы в большей степени на дому и выходила в офис всего три дня в неделю. Поэтому в такие дни Ванечку, которому исполнилось два с половиной года, приходилось возить в ясли.

Он был незапланированным ребенком. Никто не думал о втором малыше, все радовались Танечке. Иван занимал-

ся своей студией и не отказывался от параллельных проектов, Дуня активно работала, жизнь была устроенной, отлаженной, и вдруг... Ванечка. Все устроенное и отлаженное сразу же превратилось в полный кавардак.

Ванечка не спал, Ванечка плохо кушал, Ванечка был беспокойным ребенком... Дуня его обожала. В своем маленьком сынишке она часто видела мужа. Ей почему-то казалось, что Иван в детстве был точно таким же – любопытным, непоседливым и шумным.

Танечка от неумной энергии младшего брата очень страдала, прятала всех своих кукол в закрытый шкафчик. И книжки с принцессами тоже. Тишина в доме царила только ночами.

Дуня смотрела на компьютерный монитор, пытаясь сосредоточиться. Очень не хватало мужа. Она соскучилась, устала и жалела себя. Ужасно не любила чувство жалости к собственной персоне, но иногда... накатывало.

С Иваном почему-то всегда даже самое сложное оказывалось простым. Может, оттого, что сам он – легкий. Смотрел на нее темными глазами с девчачьими ресницами и говорил: – Не грусти, царица.

А сейчас муж в Риме. На своей первой персональной заграничной фотовыставке. Вернее, именно сейчас он должен уже быть в аэропорту – садиться в самолет до Москвы. И Дуня его очень ждет.

По телефону Иван говорил, что все проходит даже лучше,

чем можно было предположить. Интерес к русским огромный, посещаемость очень хорошая. И отзывы в интернете тоже. Это Дуня вечерами сама лазила по сети. И фотографии для выставки помогала отбирать тоже она. Муж доверял ее вкусу. Когда дети были уложены спать, Дуня просто разложила на полу уменьшенные копии работ, из которых требовалось оставить пятьдесят. Сначала сидела, внимательно рассматривала, а потом начала все складывать в три стопки: «Да», «Нет», «Может быть». Ване было интересно, но он молчал. И лишь просмотрев отобранные фотографии, спросил: «Почему именно эти?» И она ответила. Про цвета, про грусть старого сквера, про небо весной, про узловатые руки с портрета. Он слушал и после сказал:

– Ты знаешь мои работы лучше меня. Иногда мне кажется, что в объектив мы смотрим вдвоем.

А потом улетел. В Рим. А у нее в эти дни все валилось из рук. Ничего не успевала. Ванечка капризничал. Танечка плакала из-за проделок Ванечки. И впереди встреча, которую важно не затянуть, потому что надо успеть в ясли, затем в детский сад и домой – готовить ужин.

Царицы не раскисают. Дуня посмотрела на свой алый маникюр. Вот сейчас приведет лицо в порядок... припудрит нос, нанесет помаду, подправит прическу... Выключит компьютер...

В приемной Евдокия Романовна Тобольцева оставила подписанные документы и со словами «Завтра в одина-

дцать будет совещание по квартире на Чистых прудах» покинула офис.

Встреча была назначена в частном театре с просторным холлом. Очень статусное место. На такие встречи не опаздывают. Ну, она и не опоздала. Даже наоборот, пришлось ждать заказчицу – Инну Воронец, известную бизнес-леди и столичную светскую львицу, чье лицо не сходило с деловых журналов и глянцевого страниц.

– Мне рекомендовали вас как специалиста высокого класса, – начала Воронец без предисловий. – И я надеюсь, что не подведете. Мероприятие планируется серьезное, приглашены очень важные гости. Благотворительный вечер с аукционом. Публика в высшей степени солидная. Вы меня понимаете?

Как же тут не понять? Конечно, понимает. Так же как и то, что лично она, Евдокия, к этой публике никакого отношения не имеет. Ей это отлично дали почувствовать.

– У вас есть какие-нибудь предпочтения в оформлении?

– Но ведь это вы дизайнер, – медленно проговорила Воронец. – До планируемого вечера три недели.

Ответить было нечего. Поэтому Дуня поинтересовалась более подробной программой предстоящего мероприятия и сказала, что завтра приедет на обмеры, а через пять дней подготовит варианты оформления. На том встреча и закончилась.

А осадок... остался. Дуня не любила подобных заказчи-

ков. Они часто оказывались капризными. В телефоне остались фотографии фойе и холла перед зрительным залом. Вечером дома она подумает предметно над общей идеей оформления, а сейчас пора забирать Ванечку.

Воспитатель встретила Евдокию с плохо скрываемым облегчением. Впрочем, радовалась Анна Владимировна недолго, потому что ее проинформировали, что завтра мальчик придет снова.

– Я привезу чистую одежду, – сказала на прощание Дуня, собрав в мешок перепачканные кашей вещи.

– Ну, герой, как прошел твой день? – спросила она сынишку позже, сажая его в детское кресло автомобиля.

Ванечка посмотрел на маму огромными темными глазами и произнес:

– Таня.

– Да, – улыбнулась Дуняша, чмокнув родное чудо в щечку, – едем за сестренкой.

И они поехали и забрали из садика Таню. По радио передавали исключительно романтические песни, а слушатели поздравляли друг друга с Днем всех влюбленных.

«Точно, – подумала Дуня, – сегодня же День святого Валентина: сердечки, шоколадки, признания в любви».

Она глянула в зеркало заднего вида и увидела две пары абсолютно одинаковых тобольцевских глаз.

– И мы ставим для Марии из Краснодара легендарную

песню «На тот большак, на перекресток».

– Когда я вырасту, то буду как эта тетя, – сказала вдруг Танечка.

– Ты будешь певицей? – поинтересовалась Дуняша.

– Нет, я буду сидеть в радио и всем все рассказывать.

– А петь не хочешь?

– Петь я на утреннике буду. И танцевать!

Дуня улыбнулась. Каким же цветочком сделать дочурку?

Дверной звонок прозвучал, когда она утешала расплакавшуюся Таню, потому что Ванечка раскрасил лицо куклы в зеленый цвет.

– Не расстраивайся, – увещевала мама дочку, – этот фло-мастер стирается водой.

Приготовление ужина откладывалось, потому что рев раздался в тот самый момент, когда Дуня начала резать куриные грудки и только-только поставила воду для макарон. Вода уже, наверное, вовсю кипела.

– Я сейчас открою дверь, – сказала она Танечке, – а потом пойдем умывать куклу.

– Буль-буль, – изобразил звуками воду Ванечка.

– Буль-буль, – согласилась Дуня и направилась в коридор.

Первое, что она увидела, открыв дверь, – необыкновенную пушисто-цветущую ветку.

– Я принес тебе мимозу в бутылке золотого как солнце... лимончелло!

Губы сами собой разошлись в улыбке: Ваня! Дуня так и застыла на пороге с врученной мимозой, пока ее обнимали и целовали. Только глаза зажмурила от счастья.

И тут раздался привычный боевой вопль: в прихожую выбежала Танечка, за ней не отставал Ванечка. Оба резко затормозили, увидев папу, а потом вопль повторился – на этот раз в радостном исполнении.

– Так, я понял, романтику откладываем, – тихо сказал Иван на ухо. – Включаем режим суперпапы.

И подхватил Танечку на руки. И поднял высоко-высоко. Так, что дочка засмеялась от восторга, а Ванечка стоял и повторял:

– Я! Я!

– И тебя сейчас поднимем, – слышался отцовский ответ.

Дуня выдохнула и быстро побежала на кухню готовить ужин. Муж дома, а это значит – жизнь начала налаживаться. Через пять минут куриные грудки обжаривались на сковороде, макароны варились в кастрюле, мимоза стояла в вазе посреди обеденного стола, а хозяйка спешно приводила себя в порядок в ванной, приглаживая волосы и стирая со щеки зеленый фломастер. Потому что перепало с экстремальным макияжем не только кукле.

А еще через полчаса вся семья приступила к ужину. Наблюдая за тем, как аккуратно орудует маленькой вилкой Танечка и внимательно разглядывает звездочки-макароны в

своей тарелке Ванечка, Тобольцев спросил негромко:

– Что, Ивановичи вели себя по-царски?

Его ладонь слегка поглаживала Дунину уставшую за день поясницу.

– Как обычно, да.

– Какие цыпленки! – Танечка восторженно глядела на мимозу с замершей вилкой в руке.

– Это цветочек такой, – объяснила Дуня, – необычный.

– Пушистый, – с придыханием произнесла девочка.

– В Италии в День всех влюбленных мальчики дарят девочкам веточку мимозы. Вот такая традиция, – сказал Иван.

Танечка перевела взгляд на папу:

– А этот цветочек кому?

– Кажется, цветы теперь надо привозить двум дамам, – резюмировал Иван, входя в спальню после того, как дети были уложены и мирно сопели в своих кроватях.

От ветки пришлось отсоединить одну кисточку «с цыпленками» и поставить маленькую вазочку в детскую комнату.

Зато вопрос с костюмом на утренник был решен.

Дуня лежала в кровати и наслаждалась установившейся наконец тишиной. Она очень устала за этот день и за все дни до, пока приходилось справляться одной. Но несмотря на усталость, настроение было замечательным. Потому что Ваня вернулся, и потому что все снова стало легко.

– Ты был не прав, сказав, что я знаю твои работы лучше тебя, – произнесла Евдокия, глядя на мужа. – Через них я узнаю тебя. Твои фотографии – твое отражение.

Иван некоторое время молча смотрел на жену, а потом сел рядом и наклонился, чтобы ее поцеловать, но вдруг замер:

– У тебя веснушки... Дуня.

Она улыбнулась.

– Значит, – сделал вывод Тобольцев, – первые весенние цветы на День святого Валентина кстати.

Предсказание

День перед Рождеством выдался не самым счастливым. С утра Дуня поссорилась с мужем. Ну как поссорилась... криков не было, упрекнула два раза, а он собрал все, что нужно для работы, и ушел. И весь день из-за этого тоскливо. Глупо очень получилось. У него встреча. Потом фотосессия. Она знала обо всем заранее. Какая-то недавно поженившаяся пара захотела сняться в свадебных нарядах в одном из крупнейших универмагов Москвы на фоне большой елки и украшенной к празднику галереи. Конечно, Дуня была в курсе, потому что долго шли переговоры с универмагом о дате и времени проведения фотосессии, да и Иван всегда делился своими рабочими планами.

Но что-то с самого утра пошло не так. Наверное, просто накопилось. Предновогодняя пора традиционно напряженная, усталость одолевала обоих, Дуня так надеялась на праздничные дни, так хотела, чтобы все вместе... И слово за слово... Ладно, не два упрека. Монолог. Он не ответил. Молча ушел. Дуня же весь день чувствовала себя виноватой. А потом еще сын заставил сильно понервничать – убежал в многолюдном месте, еле нашла.

Где же твои хваленые терпение и женская мудрость, Дуль-синяя?

– Мама, печенья не пора вынимать? – в кухню заглянула

Таня.

Дочь унаследовала от Дуни любовь к кулинарии, и сорок минут назад женская половина семьи Тобольцевых старательно вырезала из теста с помощью формочек звездочки и сердечки.

– Пора.

Евдокия открыла духовку, аккуратно вынула противень с первой партией печений. Пока они остывали, Таня достала большое красивое блюдо. Потом мама с дочкой аккуратно на него укладывали готовую румяную выпечку, а после загружали в духовку вторую партию.

Дуня смотрела, как Танечка сосредоточенно стирает тряпочкой муку с рабочей поверхности стола. Ее дочурка.

А у Ильи сын. На вид – ровесник Ванечки.

Она увидела его сегодня совершенно случайно и не сразу поняла, кто это. Только по стоявшей рядом женщине, в ней Дуня узнала вдруг ту девушку-скрипачку, для которой когда-то помогала организовать концерт, неожиданно осознала, что мальчик – ЕГО сын.

Это было какое-то удивительное чувство. Немного щемящее и очень-очень теплое. Наверное, дало о себе знать некогда мучившее ее чувство вины.

За прошедшие годы Дуня ни разу больше не видела Илью. Не вспоминала о нем. Не думала. И вот сегодня...

Мальчик, держа в руке палочку с сахарной ватой, стоял перед ней и внимательно смотрел прямо в глаза. Это был

взгляд Ильи. И губы тоже его. Такой маленький серьезный Илья. Хотя от мамы там тоже было достаточно.

Потом, когда Дуня уже отошла от лотка с сахарной ватой, вдруг наступило облегчение, ошеломляющее, мощное, похожее на накрывающую с головой морскую волну. *Там сложилось. У него есть сын.*

И эта мысль на какое-то время заглушила противное и ноющее чувство, которое не покидало с самого утра.

А за окном уже давно темно. И скоро должен вернуться Иван. И она опять чувствует себя виноватой. Почему все самые скверные ссоры случаются из-за мелочей, глупости, несдержанности? Почему не всегда хватает этой самой женской мудрости? И впереди бежит женская обида: ты мало бываешь дома, я так старалась устроить праздник, и ты даже не знаешь, что елочные игрушки, которые я сделала своими руками, хранят секрет, и еще я купила новое платье, я хотела в нем сегодня пойти с тобой...

Продолжать этот монолог можно до бесконечности.

– Мам, я отнесу одно печенье Ване?

– Конечно.

Таня пошла в зал, а Дуня закрыла ладонями лицо, пытается успокоиться. Ведь сегодня сочельник. Все плохое должно отступить, все хорошее...

Из комнаты вдруг раздался такой громкий испуганный визг, что Дуня подскочила на табуретке, а потом бросилась в зал.

Там было темно, только елка сверкала новогодними огоньками, а по полу передвигалась... светящаяся фосфорная челюсть. Таня где-то в стороне тихо попискивала, а Ваня устрашающим шепотом вещал:

– Я – Щелкунчик! Я – Щелкунчик! Я – Щелкунчик!

Дуня включила свет. По полу медленно шла черепаха, на панцире которой была прикреплена челюсть. Фантазии ее сына мог позавидовать любой. И как ловко он нашел применение двухстороннему скотчу!

Таня замолчала, захрустев тем самым печеньем, которое несла брату.

– Ваня, где ты взял эту челюсть? – Дуня безуспешно пыталась отсоединить фосфорные зубы от панциря.

– Выменял в садике у Костика на машинку.

– Ясно. А зачем Таню пугал?

– Я не пугал! Я устраивал световое шоу со спецэффектами!

И так всегда.

«Спокойно, – сказала себе Дуняша. – Сегодня сочельник, все плохое отступает, а хорошее...»

В дверь позвонили.

– Папа! – дети с громким криком бросились в коридор.

* * *

Требуются чудеса ловкости, чтобы нажать на кнопку звон-

ка, если у вас в руках объемные коробки, а на плече – сумка с аппаратурой. А чтобы отвлечь внимание двух детей, которые уже вопят за дверью, перекрикивая звонок, «Папа, папа!», нужны чудеса сообразительности. У Тобольцева за плечами десять лет отцовства, и на чудеса он мастер.

Иван аккуратно спустил коробки на пуфик и тут же громко провозгласил: «Кто первый обниматься?» Оба желающих бросились наперегонки и комфортно устроились в отцовых руках. А Тобольцев поверх двух темных маленьких макушек кивнул жене на коробки. Там были детские подарки на Рождество. И только тут разглядел, *что* держала Дуня в руках. Это была Ванина черепаха, а на ее панцире... Креатив у сына в крови, и можно только гадать, от кого. Скорее всего, и от папы, и от мамы.

Пока трое Тобольцевых шумно обнимались, Дуня аккуратно опустила зубастую черепаху на пол и перепрятала подарки на верхнюю полку встроенного шкафа. А значит, можно снимать куртку и идти мыть руки, параллельно выслушивая новости от Тани и Вани.

– А мы с мамой печенья испекли! – и рот Ивану заткнули детской ладонью с крошками.

– А я когда вырасту, буду световые шоу под бессмертную музыку Петра Ильича Чайковского делать! – поспешил вставить свое слово сын. Черепаха с челюстью на спине была явно частью этого плана. За спиной Ивана послышались удаляющиеся шаги жены, а чуть позже по квартире поплыл за-

пах выпечки. Все трое Тобольцевых дружно повели носами.

– Знаешь, а мама гадание приготовила! – дочь примости-
лась у отца под боком. Сам отец устроился в гостиной под
елкой, с черепахой в руках. Надо как-то этот перформанс
модифицировать, а то ночью неровен час увидишь... – Это
она уже давно сюрприз готовила, но держала в тайне. А вче-
ра мне под большим секретом сказала, что будем гадать. –
Танечка мечтательно вздохнула и добавила: – Прямо как в
сказке.

Иван рассмеялся, поворачивая живность в разные сторо-
ны. Двухсторонний скотч, надо же. Ванину бы энергию да в
мирное русло. Но для младшего Тобольцева мирное русло –
это скучно.

– А ты мне рассказала. Значит, он уже больше не секрет.
Я пойду скажу маме, что мамин секрет больше не секрет, –
вскочил на ноги сын.

– Нет! Нет! Я сама скажу!

Дети умчались на кухню, дав Ивану пятиминутную пере-
дышку на борьбу с двухсторонним скотчем. Освобождая че-
репашку, он прислушивался к перепалке с кухни.

– *Мам, а если секрет кому-нибудь рассказать, это уже
не секрет?* – звонкий голос сына.

– *Да,* – мягкий ответ жены.

– *А Таня рассказала про твой секрет папе!*

– *А папе можно!* – возмущенный ответ дочери. – *Он ни-
кому не расскажет.*

– А если секрет, то вообще никому нельзя!

К тому моменту, когда троица вернулась в гостиную, освобожденная черепашка торопливо ковыляла в сторону дивана, а светящаяся челюсть в руках Ивана обрела голос и интонации Джека Воробья:

– Ну и где ваше гадание?!

Дети дружно взвизгнули от восторга, а Дуня наконец улыбнулась. Впервые с того момента, как он вернулся домой.

Хорош переживать, царица, ну поругались, с кем не бывает.

Зато сейчас – нарядная елка, довольные дети, вкусно пахнет печеньем. И челюсть Джека Воробья плотоядно укусила красивую женскую ногу. А потом и руку, и ухо – когда женщина устроилась рядом и положила голову Ивану на плечо.

– Не спи, не спи! – челюсть громко клацала в умелых руках. – Что нам готовит наше будущее?!

– Да! Да! Да! – наперебой загалдели дети.

– Ваше будущее на елке, – рассмеялась Дуня. – Там висят красные бархатные шарики, а на их ленточках написаны предсказания. Ищите!

Первым шарик снял ветки, разумеется, сын, при этом чуть не уронив елку, – Иван вовремя поймал.

– Папа, прочитай!

Пока Иван разворачивал ленточку, Танюша, обойдя елку кругом, спросила:

– Мама, а пятый кому?

– Бабушке Иде, – Дуня снова прижалась щекой к мужнину плечу. – Ну что там, уважаемая челюсть, написано для Ванечки?

Челюсть профилактически цапнула царицу за палец, а потом прочла одно слово: «Друг».

– Здорово! – обрадовался сын. – Я бы хотел друга. Такого, как...

И замолчал.

Тане выпала поездка на море. Практичная дочь тут же заявила, что ей срочно нужен новый купальник. В горошек. А потом Дуня негромко прочитала свое:

– Ваше желание сбудется.

Она подняла на мужа большие влажные глаза и одними губами произнесла: «Сбылось». Ответить Иван не успел – дети наперебой затребовали, чтобы папа прочел свое предсказание. И, сдерживая улыбку, он исполнил их желание:

– Вас ждет очень вкусный ужин.

– Сбылось! Сбылось! У нас есть вкусное печенье. У папы желанье сбылось! – дети принялись скакать вокруг елки и родителей.

– Ужин был не весь. Десерт зажали, – заговорщицки прошептала Дуне на ухо челюсть, воспользовавшись тем, что дочь и сын отвлеклись на прыжки.

– Ваше желание сбудется.

Перед глазами Тобольцева вправо-влево качалась алая с зеленым ленточка.

Дуня ошиблась. Это был очень счастливый день. Настоящий сочельник, когда все плохое уходит, а все самое хорошее сбывается.

После того как неугомонные дети наконец уснули, родители с удовольствием начали ползать под елкой. Ваня вынимал яркие упаковки с бантами из принесенной домой коробки, а Дуня красиво все это раскладывала. Завтра Танечка с Ванечкой встанут...

– А это тебе, – Иван протянул Дуне красный пакет.

Внутри оказались тапочки. Мягкие, удобные, розовые. С вышитыми коронами. На правом корона. И на левом корона.

– Дарю тебе, Дульсинея, домашних росинантов, – важным голосом произнес Иван.

И Дуня не смогла сдержать счастливую улыбку. А потом надела росинантов на ноги, чуть притопнула, словно попробовала, хороши ли в носке, и, бросив «Погоди, я сейчас», скрылась из комнаты.

Через пять минут она вернулась с синим пакетом.

– Это тебе, – протянула мужу.

Внутри оказались тапочки. Мягкие, удобные, темно-серые. С вышитыми коронами. На правом корона. И на левом.

– Жалую тебе, автостопщик, тапки царские, – важным голосом произнесла Дуня.

– Любимый Ванечка, – поправил жену Иван.

– Любимый Ванечка, – согласилась Дуня и села рядом.

Целоваться под елкой было замечательно. Продолжение оказалось еще более замечательным.

И все же последняя мысль засыпающей Дуняши была не о муже, а о свекрови, которая обещала пожаловать в гости на старый Новый год.

Дуня отлично помнила все пять предсказаний, которые прикрепляла к ленточкам. Она придумывала универсальные, те, которые смогут подойти всем.

И когда писала то, что осталось на елке, думала про себя, потому что работа, домашнее хозяйство, двое детей.

Думала о муже, потому что работа, ответственность, двое детей. Думала о дочке, потому что Танечка начала ходить в танцевальный кружок и у нее не все получалось.

Думала о сыне, потому что Ванечка осенью пойдет в школу и, скорее всего, там будет непросто.

А в итоге ленточку развяжет Идея Ивановна. Дуня довольна улыбнулась. Текст она помнила дословно.

Терпение вознаградится.

Наказание

Светик: Гулять выйдешь?

ТТ: нет

Светик: жаль

ТТ: мне за Наказанием следить надо. Мама с работы придет, напишу

Светик: договорились

Через 10 минут

Светик: а давай Наказание с собой возьмем?

ТТ: Куда? На аллею? Там Денис будет, Ленка. А я бегать перед всеми? Смотреть, чтобы в лужу не влез или чего не натворил? Лучшие маму подожду

Таня отложила телефон и вздохнула. Вот была бы у нее сестра... хотя бы общие разговоры были, мода там, наряды, актеры... А тут... брат.

Платье лучшее чернилами испачкал – решил узнать, как в древности писали, посмотрелся передач. Это раз.

Игру любимую на планшете стер – потому что места для своей не хватило. Это два.

Во время разговора с подругами по телефону подлетает со спины и орет на ухо – монстра изображает. Это три.

Шампунь новый французский вылил – решил шоу мыльных пузырей показать родителям. Мыльную пену собирали

целый час даже в коридоре. Это четыре.

И продолжать можно до бесконечности.

Одним словом, наказание.

Таня еще раз вздохнула. Хотелось на аллею. Там наверняка Денис катается на скейте. Самый красивый мальчик в классе.

А дома Ваня с гипсом на руке, причем гипс уже три раза умудрился намочить только за сегодняшний день. Глаз да глаз. На вопрос папы: «Ваня, ты зачем на гардероб полез?» – брат ответил:

– Охотился на зомби.

Ну, вот теперь Таня его так и называла – полужомби: гипс очень походил на бинты мумий.

Вздохнула в третий раз. Как же тяжело быть старшей сестрой!

Светик: а твоя мама когда придет?

ТТ: сказала, что скоро, но задерживается

Светик: у Ленки новая юбка

ТТ: ты уже гуляешь?

Светик: да

ТТ: ясно

Светик: все наши вышли, Денис Ленку учит на скейте кататься

Настроение совсем испортилось. Там мальчик, который

нравится, – с другой девочкой, там вообще весело, а тут...

– Я чай сделал. Сам! Пойдешь со мной пить?

Таня грустно посмотрела на брата.

– Пойду, – ответила обреченно.

Наверняка на столе капли от чайного пакетика – вытирать придется.

На кухне ее ждал сюрприз. Две кружки с чаем, вазочка с вареньем, вазочка с печеньем и криво нарезанная колбаса. Как он умудрился колбасу-то нарезать с такой рукой?

– Это... мне?

Ваня слегка покраснел.

– Ты была такая грустная... а мама, когда ты грустная, всегда варенье открывает.

И правда. А Таня не замечала этого раньше. Зато Ваня заметил.

– Ладно, – сказала она бодро. – Давай пить чай. Я сейчас хлеб нарежу для бутербродов.

– Скорей бы мама пришла, – сказал Ваня, грызя печенье. – С мамой можно петь песни «кто громче» или в настольный хоккей поиграть.

– А давай я с тобой поиграю? – предложила Таня.

Ей вдруг стало обидно, что с мамой интересно, а с ней нет. – Ты? – удивился Ваня.

– А что такого? Вот возьму и выиграю!

– А я и одной рукой хорошо играю! – похвалился Ваня.

– А вот сейчас и увидим!

Светик: мама пришла?

ТТ: да

Светик: ты скоро выйдешь?

ТТ: пока не могу

Светик:?

ТТ: я в хоккей проиграла, надо отыгрываться

Светик: Наказанию проиграла?

ТТ: Ваня – не наказание. Он – мой брат.

Рояль или гитара?

Этот небольшой зал видел много разных музыкальных конкурсов. И сегодняшний – лишь один из череды. И волею случая устроившиеся рядом, в соседних, истертых от времени бархатных креслах, два человека тоже были одними из многих. Однако развернувшаяся между ними словесная баталия стала для этих стен сюрпризом.

Впрочем, начиналось все довольно мирно. Оба внимательно наблюдали за сменявшимися друг друга на сцене юными пианистами. В кресле слева сидел очень немолодой, но державшийся весьма бодро мужчина. Остатки его волос были абсолютно седы, крупные руки с выступающими венами покоились на рукояти трости, а на носу поблескивали очки в толстой оправе. Дама справа немного уступала соседу в возрасте, явно следила за собой и сейчас сидела, очень прямо держа спину и благоухая парфюмом, помадой и лаком для волос. Лишь пальцы, то и дело поправляющие камеею у горла, выдавали волнение.

Со сцены звучала классика фортепианных конкурсов – «К Элизе». Пожилой мужчина внимательно следил за мальчиком, который был едва замечен на фоне рояля. Не сводил взгляда и чуть заметно кивал в такт.

– Ну, ребенок явно не понимает, о чем он играет, – вынесла вердикт дама с камеей, лишь только смолкли звуки бет-

ховенской музыки и последовавшие за ними аплодисменты. Мальчик на сцене между тем слез с табурета, чинно поклонился и быстро скрылся за кулисы.

Ее сосед по креслу проводил детскую фигуру взглядом, полным любви и гордости, и только тогда соизволил вступить в диалог.

– Мой внук отлично понимает, о чем играет. Я подробно разбирал с ним это произведение.

– В таком возрасте невозможно понять, что играют любовь! – фыркнула Ида Ивановна.

– А вот и можно! – запальчиво не согласился Михаил Львович.

– Вы думаете, он знает, кто такая Элиза? – женщина сузила глаза.

– А он и не про нее играет!

– А про кого же? – насмешливо уточнила Ида Ивановна.

– Про девочку с синим бантом! – победно провозгласил Михаил Львович.

– Прямо-таки с синим бантом? Соседка по парте?

– Муза.

На это Ида Ивановна не нашла, чем парировать, и некоторое время они молча слушали следующего конкурсанта. А потом женщина все-таки не утерпела и решила высказать все:

– У вашего внука левая рука сильно опаздывает. Поработайте над этим элементом – это я вам как педагог с сорока-

летним стажем говорю.

– В этом возрасте полностью равных рук не бывает. Это я вам как пианист с шестидесятилетним стажем говорю.

– А вот у моего внука на обеих руках пальцы сильные, – Ида Ивановна подняла подбородок еще выше. – Он, знаете ли, в теннис играет.

– Как фамилия у вашего внука? – невозмутимо поинтересовался Михаил Львович.

– Ванечка Тобольцев, – гордо ответила женщина.

– Это тот, который Паганини двумя пальцами исполнял и сбился раз пять? У меня дочь в Большом театре первая скрипка, я ЗНАЮ, как звучит Паганини. Пусть ваш мальчик и дальше играет в теннис. Музыка – явно не его.

Этот спор мог бы продолжаться долго. Но тут на сцену вышли объявлять результаты, и спорщики замолчали.

* * *

Идея Ивановна сидела, поджав губы.

– Нет, я, конечно, понимаю, – сказала она через некоторое время, – я даже склонна согласиться с решением жюри по поводу первого места, хотя, на мой взгляд, там есть над чем поработать, но то, что Ванечка занял последнее...

Ванечку занятое место не расстроило ничуть. Он с удовольствием уплетал пирожок с мясом, запивая его чаем.

Дуня готовила ужин и одновременно слушала впечатле-

ния о прошедшем конкурсе. Свекровь специально приехала на выходные в гости, чтобы лично отвезти внука на событие всей своей жизни. Ванечка Тобольцев и музыкальный конкурс! То, что ребенок совершенно не склонен к игре на фортепиано, ее не смущало ничуть. Идея Ивановна свято верила: «Все придет». Дуня же точно знала, что это закончится объявлением в сети «Продам пианино, недорого», а Ванечка терпеливо ждал, когда закончится учебный год, потому что летом...

Впрочем, сейчас он сидел с чистыми руками и ушами в еще не снятой белой концертной рубашечке и был очень примерным мальчиком. Бабушку расстраивать нельзя!

– Шестьдесят лет практики, – ворчала бабушка, – дочь – первая скрипка, подумаешь, экая важность... но первое место его мальчика, оно, конечно, было бесспорно...

А потом перевела взгляд на внука, и губы разошлись в улыбке:

– Ванечке очень идет белая рубашка и бабочка.

Дуня повернулась от плиты, посмотрела на сына. Тоже улыбнулась.

– Ваня, ты молодец.

– Мам, а наш договор в силе? – он уже доел пирожок и задал вопрос, который волновал больше всего.

– Конечно, – подтвердила Дуня.

– Какой договор? – встрепенулась Идея Ивановна.

– Если до конца учебного года Ваня доходит в музыкаль-

ную школу по классу фортепиано, – Дуня говорила негромко, помешивая деревянной лопаткой мясное рагу с овощами, – то на следующий год запишем его в класс гитары.

Звон фарфора заставил обернуться. Идея Ивановна промахнулась и поставила чашку мимо блюда, задев сахарницу.

– Ваня, у нас в роду не было гитаристов! – в ее голосе слышался почти ужас.

После этого свекровь перевела укоризненный взгляд на Дуню. Дуня пожала плечами.

– Мне кажется, ему надо совершенствоваться, – сказала она спокойно. – Паганини на рояле – это, конечно, интересно. Теперь то же самое можно попробовать сыграть и на одной струне.

Ванечка, конечно, ничего не понял про одну струну, но на маму посмотрел с благодарностью. Глаза его светились. Мальчик предвкушал гитару.

Дуня тепло улыбнулась сыну.

– Я поговорю с Иваном, – пробормотала Идея Ивановна, все же поставив чашку на блюдо. Но в голосе ее уже не было прежней уверенности. – Конечно, если мальчику дали последнее место... – бормотала она. – Какая тут мотивация... что они понимают в Паганини?

День математика

– Всем доброе утро. В эфире школьное радио и я, Таня Тобольцева, или ТТ. На календаре сегодня 1 апреля, а это значит, что у вас просто обязано быть хорошее настроение. Вчера, в последний день марта, на улицах Москвы мы провели опрос на тему «Что такое 1 апреля» и вот какие результаты получили. Двадцать пять человек ответили – День смеха, пятнадцать – День дурака, девять из пятидесяти вспомнили, что это первый день второго месяца весны, а один человек сказал: «День математика». Да-да, оказывается, сегодня еще и День математика. Поэтому в нашей студии – ученик 9 «А» класса, участник и неоднократный призер городских математических олимпиад Кирилл Максимов.

– Привет, Кирилл.

– Привет.

Таня закрыла микрофон рукой и, выразительно постучав пальцем по голове, прошептала:

– Со слушателями здоровайся, а не со мной!

– Привет, слушатели.

Оптимистичное начало, ничего не скажешь, но настоящий ведущий всегда быстро сориентируется и грамотно вырулит из любой ситуации.

– Вот так лаконичны наши математические гении. Скажи, пожалуйста, Кирилл, а ты знал, что сегодня твой практиче-

ски профессиональный праздник?

– Нет. Ты уверена, что он именно сегодня?

– Конечно, уверена. После эфира сможешь проверить сам. В прошлом году ты занял второе место на городском состязании, и вся школа гордилась этим успехом. В этом году ты выиграл школьную олимпиаду. Впереди очередная городская. Скажи, существуют какие-то особые секреты подготовки к таким важным стартам?

Кирилл молчал и смотрел на Таню. Она сделала знак глазами «отвечай». Он продолжал смотреть, словно в первый раз ее видит. Ладно...

– Ты готовишься к олимпиадам, Кирилл?

– Что?

– Ты как-то специально готовишься к олимпиадам?

– Да, конечно.

– Как?

– Решаю задачи и уравнения.

– Помогают ли тебе в этом наши учителя?

– Да.

– Есть ли у тебя репетитор?

– Да.

– Занимаешься ли ты с ним по специальной программе?

– Да.

«Уф-ф-ф... его вообще разговорить возможно?»

– Вот видите, дорогие слушатели, у нашего подающего

надежды математика существует целая программа подготовки к предстоящему важному событию – городской математической олимпиаде. И если кто-то думает, что математики – скучные люди, это глубокое заблуждение! Знаете ли вы, что великий Ломоносов увлекался мозаичным делом, Софья Ковалевская писала романы, а выдающийся математик Чебышёв владел портняжим искусством? Вот так! Декарт же был не только математиком, но еще и философом.

– Декарт говорил... – неожиданно подал голос Кирилл и резко замолчал.

– Что говорил Декарт?

– Декарт говорил: «Мыслю – значит, существую».

Хоть что-то.

– Отличная фраза и очень точный афоризм. И раз уж речь зашла об известных высказываниях известных людей, мне сейчас пришла идея устроить в пятницу День афоризмов. Присылайте ваши любимые фразы на наш электронный адрес, не забывая указывать свое имя и имя автора слов. Будет устроен розыгрыш призов! Ну а наш эфир подходит к концу, на следующей перемене вас ждет топ-10 веселых первоапрельских розыгрышей, а пока – слушаем самую математическую песню всех времен и народов «Дважды два – четыре», которая, несомненно, поможет ученикам начальной школы подтянуть таблицу умножения.

Таня пустила в эфир песню и сняла с головы наушники. Как ей пришла в голову мысль пригласить этого уникала в

эфир? Утром идея казалась интересной и необычной, но кто же знал, что он совсем неразговорчивый? Хорошо, что в ведении передач уже имелся небольшой опыт, и Таня быстро сориентировалась с наводящими вопросами.

Песня почти подошла к концу, а гость все не шевелился, слушал, наверное. Беда с этими отличниками. В следующий раз надо спортсмена пригласить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.